

БЕКАРЕВ Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9766-0798>

ПАК Галина Станиславовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор более 200 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7305-4371>

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БИОРАЦИОНАЛЬНОСТИ

Жизнь – это то, что мы о ней думаем.

Марк Аврелий

Понятие биорациональности обладает имманентной неопределенностью: то ли речь идет о рациональности жизни, то ли о рациональности, которая специфицируется понятием «жизнь». Для философского дискурса важнейшим выступает понятие рациональности. Цель статьи – показать, как понятие «жизнь» специфицирует понятие «рациональность». В определении рациональности существуют две стратегии: абсолютистская и релятивистская. Они не являются взаимоисключающими, а предполагают друг друга. Рациональность – это знание особого рода, поскольку она определяет границы человеческой свободы. Рациональность, как и истина, носит процессуальный характер. Очевидно, что в философском контексте понятие «жизнь» представлено в философии жизни Ф. Ницше, который не отрицает способностей человеческого разума, однако разум для него – всего лишь слуга жизни. Ницшеанская воля к власти звучит как гимн человеческой свободе. Суть ницшеанской концепции жизни – в манифесте «Умри вовремя!». Позиция Ницше совпадает с либеральным гуманизмом, но противоречит идеям социалистического гуманизма. Научное исследование жизни носит междисциплинарный характер. В этом контексте жизнь анализируется как основание человеческой свободы: от способности к мутациям химических автокатализаторов через «власть воли» к человеческой свободе. «Власть воли» характеризует диапазон свободы организма в его движении к смерти. На этапе постнеклассической науки междисциплинарность сменяется трансдисциплинарностью, которая означает выход за пределы научного знания в сферу культуры и повседневной жизни. Происходит сближение научного и философского понимания жизни. Биорациональность предстает как дилемма: жизнь рациональна, поскольку является предпосылкой существования свободы. Рационален и отказ от жизни ради утверждения свободы. Реалии цифрового общества намечают путь выхода рациональ-

*Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

**Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: pakgalina5@philosophy.unn.ru

Для цитирования: Бекарев А.М., Пак Г.С. Гуманистическое измерение биорациональности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С. 72–82. DOI: 10.37482/2227-6564-V008

ности за пределы гуманизма. Биорациональность есть значимый этап в развитии рациональности, который снимается дальнейшим развитием.

Ключевые слова: рациональность, науки о жизни, междисциплинарность, трансдисциплинарность, дилемма биорациональности, гуманизм.

Построение философского дискурса о биорациональности оказалось занятием довольно рискованным. Дело в том, что понятие биорациональности амбивалентно. Необходимо уточнить: идет речь о рациональности самой жизни или понятие «жизнь» специфицирует феномен рациональности. В первом случае логически возможны четыре варианта ответа. Жизнь рациональна и есть высшее проявление рациональности. Жизнь иррациональна, ценность жизни выше ценности разума, разум – только слуга жизни. Представление о жизни как противоречивом единстве рационального и нерационального будет третьим вариантом ответа. Четвертый сценарий предполагает их параллельное существование. Жизнь исключительно иррациональна. Рациональность способна существовать вне жизни. Оставим открытой проблему рациональности жизни, обозначив лишь логически возможные варианты решения.

Рациональность – сфера человеческой свободы. Целью нашего исследования является построение дискурса, который предполагает в качестве исходной точки рассуждения определение рациональности. Дать хотя бы рабочее определение – задача непростая.

В современной философии есть две стратегии в понимании рациональности: абсолютистская и релятивистская. Несмотря на обилие точек зрения, все они в конечном счете могут быть сведены к этим двум стратегиям. Абсолютистский подход предполагает наличие четких критериев рациональности, на основании которых осуществляется демаркация рационального и нерационального. Релятивистский подход растворяет рациональность в различных видах и типах рациональности, установить связь между которыми не всегда пред-

ставляется возможным, а общим оказывается только название рациональности. В.Н. Порус подчеркивает: «Обе стратегии ущербны из-за того, что берутся в изоляции, “как разорванные противоположности”, тогда как они могут и должны рассматриваться как дополнительные друг другу стороны исследования рациональности» [1, с. 90]. Рациональность – разновидность философского знания, которое является знанием особого рода, поскольку определяет границы человеческой свободы. Это знание утрачивает свою ценность, если люди перестают нуждаться в свободе как высшей человеческой ценности [2]. Мышление каждого из нас рационально, если способно непрерывно превосходить себя в иной рациональности, которую ожидает та же участь. Рациональность, как и истина, процессуальна: «...движение рациональной мысли подобно свету. Эта старинная метафора хорошо передает суть дела: у рациональности нет “массы покоя”. Или, по-другому, рациональность есть форма человеческой свободы в сфере познания и действия» [1, с. 92]. В качестве критерия рациональности будем рассматривать человеческую свободу. Следующий шаг состоит в том, чтобы выяснить, как представления о жизни специфицируют саму рациональность.

В контексте философии жизни. Сразу возникает дилемма: есть основания или их нет для отнесения философии жизни к предмету нашего исследования. С тем, что философию жизни относят к антисциентистским направлениям, можно согласиться без особых последствий. Философия не является в строгом смысле наукой, и философия жизни в т. ч. Но философия жизни позиционируется как иррационалистическое направление. И в таком случае у представителей философии жизни нет

разрешения на участие в исследовании биорациональности. Но если рациональность есть утверждение человеческой свободы, то присутствием веские причины усомниться в иррациональности философии жизни. Ницшеанская «воля к власти» выглядит как гимн индивидуальной человеческой свободе.

Если же руководствоваться первой составной частью слова, то нет никаких сомнений, что в дискурсе о биорациональности философии жизни принадлежит не последнее слово. Глашатаем жизни является ницшеанский Заратустра. Жизнь раздваивается, она предстает и как здоровье, и как болезнь: и как жизнь, и как смерть. Смерть есть неотъемлемый атрибут жизни. Смерть есть последняя точка жизненного цикла. Не умирает тот, кто не живет. В этом случае смерть способна приносить смысл в жизнь. Ф. Ницше устами Заратустры рассуждает о том, что мало людей, умирающих рано, большинство людей умирает поздно, а его учение звучит странно: «Умри вовремя!» [3]. Это высказывание мы интерпретируем как возможность избежать боли и страданий, старческого бессилия и слабоумия. Для Ницше жизнь есть творчество, создание новых ценностей, возможность дарения. Для него жизнь как доживание, как терпеливое ожидание смерти лишена смысла. На пути к ницшеанскому Сверхчеловеку нет места слабым и больным. Молящим о смерти нет надобности отказывать в просьбе. Именно для них нужно представление о вечной жизни, о жизни после смерти. Слабые и больные достойны только презрения. Своими жалобами на собственные муки и страдания они не просто омрачают жизнь окружающих, но стремятся сделать ее невыносимой. Именно больные и слабые завистливы, коварны, злопамятны. Это мораль рабов, мораль черни.

Мораль господ утверждает благородство, достоинство, творческий потенциал человека. Прежде чем дать оценку идеям Ницше, направленным против сырых, убогих, больных, нужно иметь в виду, что это относится к нему самому. Проповедник учения «Умри вовремя!» не смог сделать этого сам. Спектр интерпретаций идей

немецкого философа многообразен и оригинален [4, с. 551–606]. Мы хотели бы поддержать позицию тех исследователей, которые критерий ницшеанского деления на мораль рабов и мораль господ усматривают не в традиционном сословном делении, а в силе духа. И считаем, что учение о Сверхчеловеке создано большим и слабым индивидом, сила духа которого превзошла его ущербную телесность, сделав его глашатаем тела, здоровья, силы и красоты.

Острые индивидуалистической философии Ф. Ницше направлено против морали большинства, морали рабов – той христианской морали, что призывает возлюбить ближнего как самого себя. Отрицание сострадания, необходимости помощи слабым и больным, культ силы, здоровья и красоты неподготовленного читателя приводят в замешательство. Ницше против христианской морали. Название «Антихристианин» говорит само за себя [5]. Но является ли «антихристианин» антигуманистом – вот в чем вопрос.

Гуманизм и биорациональность. Современный цивилизованный человек – больше приверженец гуманистического мировоззрения. «Библией» гуманизма считается работа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» [6]. Классической и исторически первой формой гуманизма считается либеральный гуманизм, или либерализм. Либерализм, как и ницшеанство, является индивидуалистическим направлением. Аксиома либерализма заключается в правоте решения, принимаемого индивидом. В области политики эта идея отстаивается П. Фейерабеном в работе «Наука в свободном обществе» [7]. В сфере экономических учений общепризнан индивидуализм австрийской экономической школы, начиная с работ Л. фон Мизеса и заканчивая творчеством Ф. Хайека [8, 9].

В современном образовательном процессе индивидуальный и индивидуалистический подходы находятся вне зоны критики. Индивидуальный подход характеризует методику взаимодействия обучающего с обучающимся, а индивидуалистический подход артикулирует цель обучения: научить самостоятельности

мышления. Следуя этой логике, необходимо признать: решение о том, жить ему или умереть, принимает индивид. Если решение о собственной смерти делается больным, измученным физическими страданиями человеком, то такой поступок не противоречит основополагающим идеям гуманизма. Поэтому некоторые западные страны легализовали эвтаназию. Эвтаназия противоречит заповедям христианской морали, но не гуманизму. В данном аспекте взгляды Ф. Ницше и либерального гуманизма совпадают. Уход из жизни слабого и больного человека – это не только биорационально, но и гуманно, правда, лишь в том случае, если решение принимает сам индивид. Но гуманизм ориентирует человека думать не только о себе, но и о других. Поступок плохой, если он причиняет боль и неприятности другим людям. Все коллизии гуманизма, как правило, разворачиваются в плоскости соотношения учета собственных индивидуальных интересов и интересов других людей.

В условиях «серого цунами», т. е. увеличивающейся продолжительности жизни людей, меняется отношение индивида к смерти и боли. Для современного человека характерно лояльное отношение к смерти и нетерпимость и боязнь боли. Показателен дискурс старых и пожилых людей, который выглядит примерно так: «Я не боюсь смерти. Самое страшное для меня – стать обузой для других людей, прежде всего близких и родных». В этом случае быстрый и безболезненный уход из жизни не только биорационален, но и социально рационален. Есть одно «но», которое в рамках социалистического гуманизма, приобретает решающее значение. Сам факт смерти человека причиняет его близким нестерпимые страдания, а сознательный уход из жизни возводит эти переживания в квадратную степень, сопровождается возникновением чувства вины. Гуманизм как мировоззрение не является однородным. Решение конкретной экзистенциальной проблемы индивидом сопровождается плавным перетеканием либерального гуманизма в социалистический гуманизм – и наоборот. З. Бауман метко

определил современность как «текущую». Данное определение с полным основанием можно отнести и к современному гуманизму. Идеи философии жизни получают дальнейшее развитие в экзистенциализме как переживании индивидом своего бытия в мире, где не просто существование предшествует сущности, а индивид «осужден» быть свободным [10].

Научные представления о жизни. В предметном поле философии науки необходимо проанализировать современные научные представления о жизни. Существуют три основных подхода к пониманию жизни.

Первый подход предполагает выявление материального носителя основных свойств жизни. В известном определении Ф. Энгельса речь идет о жизни как способе существования белковых тел. Он понимал всю относительность и несовершенство данного определения жизни. Тем не менее сама методологическая установка в ходе исторической эволюции науки подтвердила свою плодотворность. Так, в 1953 году расшифровка строения молекулы ДНК, положившая начало стремительному развитию молекулярной биологии, способствовала распространению представления о дезоксирибонуклеиновой кислоте как «веществе наследственности». В условиях нашей «текущей» и «поздней» современности сам способ привязывания жизни к конкретному материальному субстрату вызывает возражения, поскольку не допускает существования живого на иной, небелковой, основе. Столкнувшись с жизнью, существующей на ином материальном субстрате, человек пройдет мимо, так и не распознав живое. Представляется, что жизнь имеет материальный субстрат, но его конкретизация носит проблемный характер.

Второй подход трактует жизнь более широко, рассматривая ее как совокупность биохимических процессов, делая акцент на исследовании биохимических процессов и их своеобразии, тем самым ограничивая сферу жизни биохимическими процессами. В итоге мы определяем жизнь посредством химических процессов, относящихся к живому.

Но в современной науке есть не только биологические представления о жизни, но и химические, и физические. Например, жизнь можно рассмотреть с точки зрения второго начала термодинамики. К живым относится такая система, которая развивается в направлении уменьшения собственной энтропии. Вектор ее движения противоположен направлению неживых объектов. Любую систему, стремящуюся к порядку, можно заподозрить в причастности к жизни. С позиций химии жизнь может быть представлена в виде фазово-обособленной формы существования, функционирующих автокатализаторов. Способность автокатализаторов к химическим мутациям является результатом продолжительной эволюции в ходе естественного отбора [11]. Субстратное и функциональное определения жизни имеют отношение к человеческой свободе, поскольку характеризуют ее материальные основания.

Третий подход предполагает выделение минимально возможного набора обязательных свойств жизни, без которых жизнь невозможна. М. Биша рассматривает «жизнь как совокупность явлений, сопротивляющихся смерти» [12]. Круг замкнулся. Мы окольным путем вернулись к философскому пониманию жизни как здоровья и болезни, снятию болезни в жизни, к пониманию жизни через ее конечность и временность. У М. Хайдеггера жизнь есть постоянное соприкосновение с ничто, убегание от него и необходимое возвращение к ничто. Но можно ли выйти за границы кольцевого сюжета дискурса о жизни? Исследователи в качестве особенности современного изучения жизни отмечают переход данной проблематики из сферы компетенции философии в сферу компетенции естествознания, подчеркивая при этом ее междисциплинарность [13, 14].

Анализ основных подходов к пониманию жизни свидетельствует о нецелесообразности понимания жизни через ее конкретный, материальный, субстрат. Последнее ограничивает эвристический потенциал исследования. Возможность определения жизни в физике, химии, биохимии ставит непростой вопрос об их со-

отношении и предпочтительном выборе. Мы хорошо усвоили, что высшая форма движения материи в «снятом виде» содержит в себе низшие формы. Объяснение жизни на основе физико-химических процессов может быть представлено как редукционизм, поскольку своеобразие биологической формы движения сводится к сущности низшего вида существования материи. Но можно предположить, что особенных запретов на этот счет нет, что формы движения материи имеют общую основу, но вектор развития каждой уникален. Вместо иерархического соподчинения предложить образ кустарника, где ветви – разные формы движения материи. При таком подходе понимание жизни подразумевает анализ и обобщение представлений о жизни, существующих в различных областях научного знания.

В 1929 году А.Ф. Самойлов предложил рассматривать жизнь как «замкнутый круг рефлекторной деятельности» [15]. Разрыв в любом месте грозит состоянием комы, ограничением параметров жизнедеятельности или даже ее отсутствием, т. е. прекращением жизни. Причины разрыва усматриваются в неблагоприятном воздействии внешней среды, во «власти воли» индивидуума, во внутренних вегетативных началах организма, неподвластных «власти воли». Обмен живого организма со средой направлен на нарушение равновесия. Последнее утверждение сближает данное физиологическое представление о жизни со взглядом на жизнь с позиций второго начала термодинамики, т. е. с физическим представлением о жизни. В определении А.Ф. Самойлова особого внимания заслуживает понятие, не получившее широкого распространения в науке, – «власть воли».

Естественные науки изучают жизнь как материальный механизм, обеспечивающий возможность существования свободы. Поскольку «анатомия человека ключ к пониманию анатомии обезьяны», то наличие человеческой свободы позволяет проследить ее истоки в способности автокатализаторов к химическим мутациям, в наличии «власти воли».

От объективных оснований рациональности к «власти воли» и человеческой свободе. Для начала необходимо уточнить, чем «власть воли» отличается от ницшеанской воли к власти. Воля к власти – это иррациональное выражение полноты жизни. «Власть воли» есть выражение человеческой свободы в пространстве жизни, эластичность границы между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью. Притча об уходе из жизни Демокрита объясняет смерть как постепенное истечение огненных атомов из тела, она не только служит подтверждением атомизма и его последовательного применения, но признает факт процессуальности самой смерти, обусловленной соотношением объективного и субъективного, представленного в виде человеческой воли и желания.

Положение о «власти воли» как утверждение конкретной ситуации примата субъективного над объективным способно прояснить чудовищное высказывание Адольфа Гитлера: «Жизнь – это очередь за смертью, но некоторые лезут без очереди». «Лезут без очереди» – это не только самоубийцы, но и все люди, которые своими действиями либо бессознательно сокращают время собственной жизни, либо сознательно принимают решение об уходе из жизни, выступающее проявлением индивидуальной свободы личности. Чудовищность иронии не в самом высказывании, а в том, из чьих уст оно прозвучало. Произнес эти слова человек, считающий себя вправе в массовом масштабе не только создавать очереди за смертью, но и сокращать их по своему произволу.

Рациональность в контексте постнеклассической науки. Современный этап в развитии науки намечает контуры новой, непривычной, не совсем комфортной для человека картины мира. Основание для этого дает кибернетическое, информационное определение жизни. А.А. Ляпунов рассматривал жизнь как «высокоустойчивое состояние вещества, использующее для выработки сохраняющихся реакций информацию, кодируемую состоянием отдельных молекул». Наш современник и соотечественник В.И. Моисеев убежден, что не только жизнь

может быть описана математическими формулами, но и математические формулы способны раскрывать существенные характеристики жизни, сущность жизни [16, с. 5–9]. Израильский исследователь Ю.Н. Харари пишет: «...когда биологи заключили, что организмы – это алгоритмы, они сломали стену между органическим и неорганическим, превратили компьютерную революцию из чисто технического мероприятия в биологический катаклизм и передали права и полномочия отдельных личностей сетевым алгоритмам» [17, с. 403].

Традиционно развитие биологии как науки понималось как последовательная смена холизма и редукционизма. С древнейших времен существует возможность двоякого рассмотрения жизни. С одной стороны, как телесное, внешнее определение живого существа, с другой – как анализ глубинных, сущностных, экзистенциальных черт. Например, история биомедицины есть история холизма и редукционизма. Тенденция такова, что на смену сильным версиям приходят ослабленные версии редукционизма и холизма. В итоге признается возможность их одновременного сосуществования. Редукционизм есть методологический прием объяснения сложного на основе простого. Но не запутывается ли наш разум и не приходим ли мы снова к той антиномии простого и сложного, на которую обращал внимание еще И. Кант? Или адекватнее представить противоположность холизма и редукционизма в категориях части и целого? Целое есть система. Существуют как органические, так и неорганические системы. В органических системах целое больше суммы своих частей. В современном философском словаре нам предлагается рассматривать редукционизм, в частности, как сведение социального бытия к абстрактным схемам [18, с. 736]. Если это положение экстраполировать на понимание жизни, то представление организма в виде совокупности алгоритмов или в виде движения, хранения и переработки информации будет примером редукционизма.

Полагаем, что в чистой логике понятий данную проблему не решить. Обращение к исто-

рии биологической науки в очередной раз дает подсказку. Ответ в какой-то степени является неожиданным. Хотя упомянутая выше работа В.И. Моисеева о традициях и новациях в биомедицине была уже своеобразной подготовкой к выводу, который напрашивался, но не был очевиден. Е.Б. Музрукова и Р.А. Фандо проанализировали холизм и редукционизм в познании живого в контексте методологического диалога и пришли к выводу, что на разных этапах развития биологии различные науки играли решающую роль в познании жизни [19, с. 226]. Это согласуется с сетевым принципом научного познания жизни.

В. Борзенков раскрыл категорию жизни в науке XX века сквозь призму механицизма и витализма [20]. Исследователь отметил наличие периодов в развитии науки, где преобладают идеи либо механицизма, либо витализма. Он также убежден, что различные науки внесли свой вклад в познание живого. Определения жизни, существующие в конкретных науках, носят рабочий характер и не претендуют на универсальность. Проблема определяющего атрибутивного признака жизни имеет значение только в рамках теоретической биологии и может быть представлена как поиск сущности жизни. Существуют три методологические стратегии.

А.С. Кневец, М.П. Левандовская, О.Е. Сергушова считают, что сегодня проблема сущности жизни является не только философской проблемой, но и конкретно-научной. Продолжение линии термодинамики в трактовке жизни связано с именами Л. фон Берталанфи и И. Пригожина. Г. Меллер в качестве основы жизни рассматривает ген. В итоге жизнь предстает как «неравновесная наследственность». Идея самосохраняющегося самоуправления, идущая от Н. Винера, не утратила своего значения для современного понимания жизни. Общим трендом в развитии науки цифрового общества выступает осознание того факта, что организм гораздо ближе к компьютеру, чем к химическим ферментам и аттракторам. Кибернетическое понимание организма как совокупности алгоритмов объясняет существование

механизма трансгрессии, где происходит стирание граней между живым и неживым. Существование вирусов постоянно напоминает нам о невозможности провести абсолютную границу между живым и неживым. Находясь в организме живого существа, вирус ведет себя как паразитическая форма жизни. Вне организма вирус не умирает, он продолжает свое существование в виде неживого. Вирус, подобно египетскому богу Осирису, постоянно умирает и воскресает. Время его жизни носит нелинейный и нециклический характер. Господство кибернетического понимания жизни кардинально меняет представление о биорациональности, основания гуманистического мировоззрения и экзистенциального переживания жизни проблематизируются.

Второй подход к пониманию живого принадлежит А.П. Федяеву, который считает, что современное исследование существенных характеристик жизни выходит за рамки научной рациональности. Жизнь представляет собой энергийно-духовную сущность и имеет социокультурное измерение [21], что согласуется с пониманием рациональности как такого знания, что способствует человеческой свободе.

Третий подход предложен В. Борзенковым. К числу основополагающих свойств живого он относит способность совершать целенаправленные действия [20]. Сущностные процессы жизни имеют символический характер. В свете семиотического поворота, произошедшего в философии, автор предлагает характеризовать жизнь как текст. Текст может быть завершенным, законченным, прерванным внезапно, состоящим только из введения... Многообразие жизни, как и многообразие текстов, может быть расположено в широком диапазоне: от правил дорожного движения до «Братьев Карамазовых». Если рассматривать нуклеиновые кислоты как алфавит, то ДНК являет собой законченный текст. Из семиотической трактовки жизни следует признание и роли социально-гуманитарных наук в познании жизни, прежде всего герменевтического толкования жизни как текста.

Итак, биорациональность не только есть понятие биологии и медицины, но и являет со-

бой все признаки междисциплинарности, переходящей в трансдисциплинарность. Междисциплинарность обусловлена тем, что трудно перечислить все науки, которые внесли свою лепту в познание жизни. Трансдисциплинарность означает выход за пределы научного знания в сферу культуры и повседневной жизни. Трансдисциплинарность как характеристика современного научного знания сближает научное и философское понимания жизни. Биорациональность предстает как дилемма: жизнь рациональна, поскольку является предпосылкой существования свободы. С другой стороны, рационален и отказ от жизни ради утверждения человеческой свободы. Отказ от своей свободы ради сохранения жизни рационален в той степени, в какой способствует не только обретению утраченной свободы, но хотя бы сохранению абстрактной возможности свободы.

За пределами гуманизма. Красоту и особую одухотворенность человеческой жизни придает ее конечность. Преодоление смерти может идти двумя путями: достижение вечной жизни, как у Бога или как у вируса, или череда умираний и воскрешений. Поскольку жизнь и смерть перестают быть разовыми уникальными событиями, они теряют свое былое содержание и превращаются в сон и бодрствование. Трансформация человечества в постчеловечество подтачивает гуманистическое понимание рациональности как знания, утверждающего человеческую свободу. Сильные версии современного апокалипсиса пророчат гибель человеку и человечеству. От смерти Бога, провозглашенной устами Ф. Ницше, оказалось недалеко и до летального исхода *Homo sapiens*. Человек, уходя со сцены, забирает с собой и весь багаж гуманистических идей.

Апокалиптические рассуждения о смерти человека основаны не только на реальной возможности трансгрессии, но и на осознании того факта, что уже наступила эра конкуренции человека и интеллектуальных искусственных систем. Как всегда, есть крайние позиции. Победа интеллектуальных искусственных систем делает ненужным существование человека. Противоположная точка зрения основана на

вере в то, что человек сохранит свое доминирующее положение в качестве носителя рациональности. Реальность происходящего находится в поле притяжения обоих полюсов. Обретение бессмертия, утрата жизнью своей конечности, «снятие» жизни в вечности лишают смысла разговоры о биорациональности как знании, которое способствует свободе конечного существа.

Создание суперинтеллекта, превосходящего человеческий, планируется в ближайшие 30 лет. Этот факт заставляет более трезво оценить возможности человека. Противостояние человека и интеллектуальных искусственных систем не ведет с необходимостью к устранению одной из сторон. Возникновение живого не означает элиминацию мертвого, а характеризуется их диалектической взаимосвязью.

Биорациональность – как палка о двух концах. Одним концом упирается в признание рациональности жизни, существование рациональности без рациональности, т. е. вне контекста человеческой свободы. Другим своим концом эта палка указывает на необходимость признания существования рациональности вне жизни, вне контекста человеческой свободы. Круг замкнулся, возвращаемся к началу. Насколько правомерно определение рациональности как знания, расширяющего границы человеческой свободы? Образ рациональности как движущегося луча света дает возможность увидеть следующее. Обращенный в прошлое, он высвечивает жизнь как потенцию свободы. Направленный в будущее, он позволяет усмотреть объективированные результаты свободной, творческой деятельности человека.

На нормативную основу биологической рациональности обращали внимание уже давно [22]. Но, надо полагать, нормы меняются. Изменится и такая «норма», как свобода. Думается, изменится и характер гуманизма.

Дискурс о биорациональности заставляет посмотреть на свободу за границами человеческого существования как на универсальную проблему бытия и признать биорациональность значимым этапом в движении «луча света», которому уподоблена рациональность.

Список литературы

1. Порус В.Н. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность: эпистемологический анализ // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: моногр. / под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина, Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 79–93.
2. Межуев В.М. Если человек не нуждается в свободе, то и философия ему ни к чему... // Новая газ. Науч.-попул. прил. «Кентавр». 2007. № 6. 29 окт.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Интербук, 1990. 301 с.
4. Ясперс К. Вторая глава: Как мы понимаем Ницше // Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 551–606.
5. Ницше Ф. Антихристианин // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов: сб. / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 17–93.
6. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. 656 с.
7. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, вып. 3. С. 85–100.
8. фон Мизес Л. Либерализм в классической традиции: пер. с англ. М.: Начала-Пресс, 1995. 176 с.
9. фон Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое изд-во, 2005. 264 с. (Б-ка Фонда «Либер. миссия»).
10. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов: сб. / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
11. Пармон В.Н., Савинов Е.Н., Савинова Е.Р. и др. Фотокаталитическое преобразование солнечной энергии. Ч. 2. Молекулярные системы для разложения воды. Новосибирск: Наука, 1985. 246 с.
12. Биша Мари Франсуа Ксавье // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 3.
13. Науки о жизни и современная философия / отв. ред. И.К. Лисеев. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. 496 с.
14. Лисеев И.К., Петрова Е.В., Фесенкова Л.В., Хен Ю.В. Науки о жизни сегодня: философские инновации. М.: ИФ РАН, 2016. 239 с.
15. Самойлов Александр Филиппович // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1975. Т. 22.
16. Моисеев В.И. Традиции и новации в философии биомедицины // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 3. Традиции и новации: сб. материалов 3-й ежегод. науч.-практ. конф. М.: Принтберри, 2009. С. 5–9.
17. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
18. Кемеров В.Е. Редукционизм // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд. испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: Панпринт, 1998. С. 736.
19. Музрукова Е.Б., Фандо Р.А. Редукционизм и холизм в познании живого: методологический диалог // Эпистемология & философия науки. 2014. Т. 39, № 1. С. 211–226.
20. Борзенков В. Категория «жизнь» в науке XX века // Высш. образование в России. 2007. № 5. С. 98–105.
21. Федяев А.П. Проблема сущности жизни в современной науке: социокультурный аспект // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 3-2. С. 65–68.
22. Социологические размышления. Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 237–238.

References

1. Porus V.N. Ratsional'naya kommunikatsiya i kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskiy analiz [Rational Communication and Communicative Rationality: An Epistemological Analysis]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology Today. Ideas, Problems, Discussions]. Nizhny Novgorod, 2018, pp. 79–93.
2. Mezhuiev V.M. Esli chelovek ne nuzhdaetsya v svobode, to i filosofiya emu ni k chemu... [If a Person Does Not Need Freedom, He Does Not Need Philosophy Either...]. *Novaya gazeta. Nauchno-populayrnoe prilozhenie "Kentavr"*, 29 October 2007, no. 6.

3. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None]. Moscow, 1990. 301 p.
4. Jaspers K. Vtoraya glava: Kak my ponimaem Nitsche [Book Two: The Basic Thoughts of Nietzsche]. Jaspers K. *Nitsche. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya* [Nietzsche: An Introduction to the Understanding of His Philosophical Activity]. St. Petersburg, 2004, pp. 551–606.
5. Nietzsche F. Antikhristianin [The Antichrist]. Nietzsche F., Freud S., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1990, pp. 17–93.
6. Rousseau J.-J. *Pedagogicheskie sochineniya* [Works on Pedagogy]. Moscow, 1981. Vol. 1. 656 p.
7. Feyerabend P.K. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2009, vol. 11, no. 3, pp. 85–100.
8. von Mises L. *Liberalizm v klassicheskoy traditsii* [Liberalism in the Classical Tradition]. Moscow, 1995. 176 p.
9. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. Chicago, 1944 (Russ. ed.: fon Khayek F.A. *Doroga k rabstvu*. Moscow, 2005. 264 p.).
10. Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism Is a Humanism]. Nietzsche F., Freud S., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1990, pp. 319–344.
11. Parmon V.N., Savinov E.N., Savinova E.R., et al. *Fotokataliticheskoe preobrazovanie solnechnoy energii. Ch. 2. Molekulyarnye sistemy dlya razlozheniya vody* [Photocatalytic Conversion of Solar Energy. Part 2. Molecular Systems for the Decomposition of Water]. Novosibirsk, 1985. 246 p.
12. Marie François Xavier Bichat. Prokhorov A.M. (ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopaedia]. Moscow, 1970. Vol. 3.
13. Liseev I.K. (ed.). *Nauki o zhizni i sovremennaya filosofiya* [Life Sciences and Contemporary Philosophy]. Moscow, 2010. 496 p.
14. Liseev I.K., Petrova E.V., Fesenkova L.V., Khen Yu.V. *Nauki o zhizni segodnya: filosofskie innovatsii* [Life Sciences Today: Philosophical Innovation]. Moscow, 2016. 239 p.
15. Samoilov Aleksandr Filippovich. Prokhorov A.M. (ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopaedia]. Moscow, 1975. Vol. 22.
16. Moiseev V.I. Traditsii i novatsii v filosofii biomeditsiny [Traditions and Innovations in the Philosophy of Biomedicine]. *Filosofskie problemy biologii i meditsiny. Vyp. 3. Traditsii i novatsii* [Philosophical Problems of Biology and Medicine. Vol. 3. Traditions and Innovations]. Moscow, 2009, pp. 5–9.
17. Harari Y.N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harvill Secker, 2015. 448 p. (Russ. ed.: Kharari Yu.N. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego*. Moscow, 2019. 496 p.).
18. Kemerov V.E. Reduktsionizm [Reductionism]. Kemerov V.E. (ed.). *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern Dictionary of Philosophy]. London, 1998, p. 736.
19. Muzrukova E.B., Fando R.A. Reduktsionizm i kholizm v poznanii zhivogo: metodologicheskiy dialog [Reductionism and Holism in a Process of Cognition of the Living: A Methodological Dialogue]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, 2014, vol. 39, no. 1, pp. 211–226.
20. Borzenkov V. Kategoriya “zhizn'” v nauke XX veka [The Category “Life” in Science in the 20th Century]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2007, no. 5, pp. 98–105.
21. Fedyayev A.P. Problema sushchnosti zhizni v sovremennoy nauke: sotsiokul'turnyy aspekt [The Problem of the Essence of Life in Contemporary Science: A Sociocultural Aspect]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, no. 3-2, pp. 65–68.
22. Sotsiologicheskie razmyshleniya. Interv'yu s prof. N. Lumanom [Sociological Considerations. Interview with Prof. N. Luhmann]. *Problemy teoreticheskoy sotsiologii* [Issues of Theoretical Sociology]. St. Petersburg, 1994, pp. 237–238.

Adrian M. Bekarev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9766-0798> e-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

Galina S. Pak

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7305-4371> e-mail: pakgalina5@philosophy.unn.ru

HUMANISTIC DIMENSION OF BIOLOGICAL RATIONALITY

Our life is what our thoughts make it.

—Marcus Aurelius

The concept of rationality is characterized by immanent uncertainty: is it a rationality of life or a rationality specified by the concept “life”? For the philosophical discourse, the concept of rationality is most important. This paper aimed to demonstrate how the concept “life” specifies the concept “rationality”. There are two strategies used to determine rationality: absolutist and relativist; they are not mutually exclusive, but presuppose each other. Rationality is knowledge of a special kind and, like truth, is procedural. It is obvious that in Nietzsche’s philosophical aspect of life, which does not deny the ability of the human mind, the mind is just a servant of life. The Nietzschean will to power sounds like a hymn to human freedom. The essence of the Nietzschean concept of life is represented in his “Die at the right time!” manifest. Nietzsche’s position coincides with liberal humanism, but contradicts the ideas of socialist humanism. The scientific study of life is multidisciplinary. In this context, life is analysed as the basis of human freedom: from the ability of chemical autocatalysts to mutate, through the “power of will” to human freedom. The “power of will” characterizes the range of an organism’s freedom in its movement towards death. At the stage of post-non-classical science, interdisciplinarity is replaced by transdisciplinarity, which means going beyond scientific knowledge into the sphere of culture and everyday life. The scientific and the philosophical understandings of life are drawn closer together. Biological rationality appears as a dilemma: life is rational because it is a prerequisite for freedom, while ending one’s own life to assert freedom is also rational. The realities of the digital society chart a course for rationality to go beyond humanism. Biological rationality is a significant stage in the development of rationality, which is eliminated by its further development.

Keywords: *rationality, life sciences, interdisciplinarity, transdisciplinarity, dilemma of biological rationality, humanism.*

Поступила: 23.09.2019

Принята: 20.12.2019

Received: 23 September 2019

Accepted: 20 December 2019

For citation: Bekarev A.M., Pak G.S. Humanistic Dimension of Biological Rationality. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 2, pp. 72–82. DOI: 10.137482/2227-6564-V008